

Известия — 1999 — 23 марта

Московский озорник

Владимир Мирзоев замахнулся на самого Вильяма

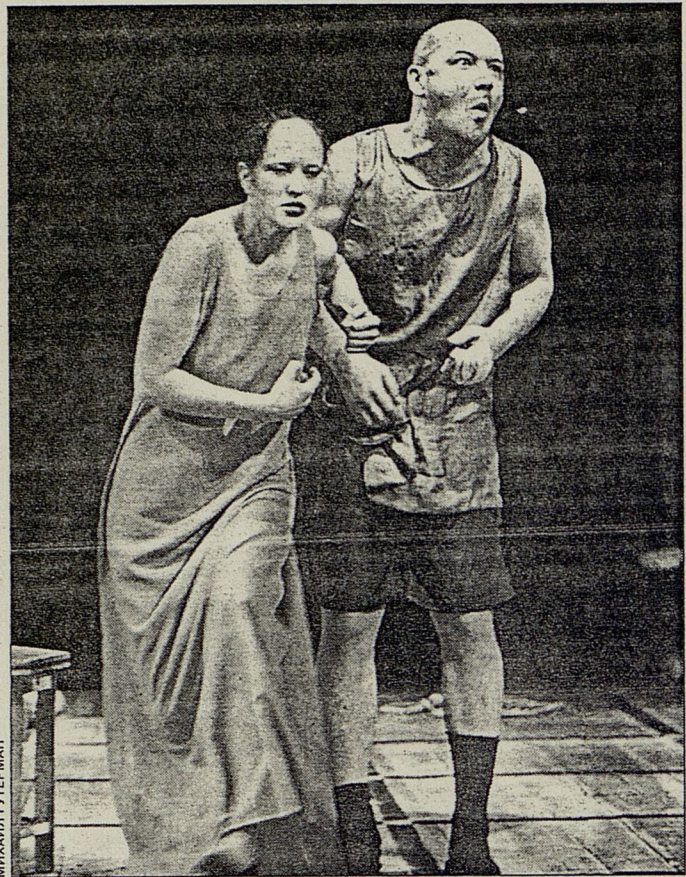
Алексей ФИЛИППОВ

«Всякому безобразию есть свое приличие» — как ни крути, а лучше чеховского Лопухина не скажешь. Это верно и по отношению к работам Владимира Мирзоева: с классическими пьесами он делает бог знает что, но в этом, как правило, есть своя логика. Мирзоев совершает надругательство над постановочной традицией, так перестраивает классику, что драматические монологи вызывают смех, а персонажи, вместо того чтобы говорить о высоком, отпускают грубые шутки. Текст остается неизменным, но произносят его таким образом, что возникает почти физическое ощущение насилия над автором — роль осквернителя, разбойника с большой дороги, с чувством, толком и расстановкой мараящего святое Мирзоев освоил в совершенстве.

Здесь есть своя (пусть и нехитрая) эстетическая установка: зрительский шок, возмущение, смех, раздающийся там, где принято благоговей, являются одной из ее составляющих. Режиссер присвоил себе амплуа разрушителя: но в том, что он делает, есть и положительная сторона. Мирзоев — санитар театрального леса: выворачивая классику наизнанку, он сдувает с нее пыль предыдущих трактовок, стряхивает академическую паутину, его безобразия кажутся реакцией на благоглупости, от которых Гоголь и Тургенев страдают куда сильнее... Но к шекспировскому «Укрощению строптивой» (эта премьера состоялась на днях в драматическом театре имени Станиславского) все сказанное выше отношения не имеет.

Пьеса, за которую взялся Мирзоев, предполагает режиссерские сумасбродства, буффонаду и нарушение всяческих канонов. Результат оказался печален — наш озорник поставил откровенно скучный спектакль.

Он дробится, распадаясь на более или менее удачные сценки, шутки, гэги, приемы и приемчики. Их не слишком интересно описывать и перечислять: Максим Суханов (Петруччо) выходит то бритым, то с эспаньолкой, то лысым, то с панковским голубым гребнем. Катарине (Евгения Морозова) вместо говядины предлагают огромное человеческое ухо, слуга Кертис оказывается женщиной (Ольга Лапшина). Вместо шапочки-блюда Катарине подносят настоящую кастрюльку, которую она с удовольствием надевает на голову. Петруччо приходит свататься в запорожских шароварах и каком-то подобии папахи... Это может быть так, а могло бы быть и совсем

Укротитель (Максим Суханов) и строптивая (Евгения Морозова)

иначе: единая система, концепция, на которую ложилось бы все, что привнес в спектакль Владимир Мирзоев, здесь неощутима.

Мирзоев умеет ставить цельные и стильные спектакли — стоит вспомнить хотя бы его «Амфитриона», прошлогоднюю премьеру Театра Вахтангова. Но в «Укрощении строптивой» распадается и стиль: изысканные (и затянутые) пластические этюды, одним из которых открывается спектакль, никак не соотносятся с балаганной буффонадой Максима Суханова.

С русской классикой работать проще. Стоит лишь поменять плюсы на минусы, подражать в алтаре, плюнуть в колодезь, как возникнет интрига: при желании можно будет домыслить трактовку и, пожалуй, найти во всем этом нечто положительное. А с Шекспиром режиссер остается один на один: для того чтобы из этого диалога вышло что-то путное, надо произнести нечто свежее и дельное. Быть может, у Мирзоева и есть какие-то важные соображения, касающиеся «Укрощения строптивой», но в его спектакле они не видны.

Каждая отдельная находка очень смешна. Смешна Катарина, выходящая к изумленному жениху склонившись под тяжестью искусственного горба, смешон зверопо-

добный Петруччо, с наслаждением валяющийся дураком, — как набор концертных номеров спектакль хорош, но в единое, осмысленное, стройное целое они так и не складываются. Самое печальное то, что здесь в общем нечего сказать и о актерской игре: ощущение поспешности, незаконченности действия сказывается и на работах артистов... И это неудивительно — спектакль, вышедший в Театре Станиславского, лишь обломок большого, рассчитанного на три отдельных представления проекта.

Мирзоев собирался ставить «Двенадцатую ночь» — в первом спектакле все роли играли бы мужчины, во втором — женщины, в третьем распределение было бы совершенно традиционным. Затем родился другой замысел: «Двенадцатая ночь» и «Укрощение строптивой» — пьесы, где, по мнению режиссера, есть много схожих мотивов, — должны были перетекать друг в друга. В результате вышло одно «Укрощение...», а «Двенадцатая ночь» появится на месяц позже. Дай Бог, чтобы она стала удачей театра, но первоначального замысла все же жаль. «Многосерийный» спектакль обещал стать одним из самых любопытных и самых веселых театральных проектов нынешнего сезона.